

» КОЛЮША «

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ТИМОФЕЕВ-РЕССОВСКИЙ.

С Колюшой я познакомилась в 1927 году в Берлине, когда мне было 17 лет, а Колюше лет на 9-10 больше чем мне. Познакомилась с ним через художника, анималиста Василия Алексеевича Ватагина, который был мой большой друг и учитель. В 1927 году Ватагин приехал из Москвы в Берлин специально для того чтобы побыть со мной и поработать в Берлинском зоологическом саду. В Берлине у Ватагина оказались друзья, в квартире, вернее в доме, где эти друзья жили Ватагин и поселился. Это в Штеглitze, название улицы я забыл. Друзья Ватагина были молодые русские генетики Н.В. Тимофеев-Рессовский, его жена Елена Александровна и их маленький сыночек Фома. Мы тут же познакомились. Квартира, которую занимали Тимофеевы была очень маленькая и скромная. Тимофеевы оба работали где то в научном институте в городе, а маленький Фомка оставался дома на попечение у некоего Владимира Ивановича Селинова. Селинов был милейший человек, хороший знаток русской поэзии и отличался черезмерной скромностью. Колюша его поэтому прозвала "ВАРТАНЕСОМ." Когда мы очень скоро переехали на Тве и Елена Александровна превратилась в Лёльку, а Николай Владимирович в Колюшу. З.И. Селинов зарабатывал тем, что набивал табакосом тильзы для русских папирос. Заработок был небольшой и для того что бы ему помочь Тимофеевы взяли Селинова как "няньку" для Фомы как "повара" для семьи. Тимофеевы не могли знать без того, что бы Колюшу куда то не помочь и Селинов скоро превратился в гленика Тимофеевской семьи. Селинов стряпать абсолютно не умел и мог приготовить только своего рода котлеты, которыми он Тимофеевы и кормил в течение нескольких месяцев, пока Тимофеевы не заболели от диобразного питания.

"Нилька" он тоже был плохой и три раза на прогулке терял маленького Фому от чего родители ^{каждый раз} приходили в панику, пока нянечка Фому что нибудь не приводил домой.

Я тогда почти каждый день рисовал животных вместе с Ватликом в зоологическом саду, а по субботам встречался с Тимофеевками. Очень часто я встречался с Колюшей и с его сослуживцем по институту в определённом месте в Шенкере и мы вместе отправлялись смотреть Борьбу перед тем, что бы пойти ужинать к Елене Александровне (Лёльке) и "Варгакесу", которые нас ожидали. Борьба, катэ и бокс происходили в специальном балагане. За небольшую цену вы имели право смотреть три "рунда", а потом надо было платить за кино. Я тогда впервые в мою жизнь видел Борьбу, бокс и катэ! Балаган был налит ужасной публикой! Страшно и стыдно было туда входить! Все орало, курили ругались и подбуждали атлетов. "Атлеты" были труднейшие ^{качественные} мужики, которые устраивали из своих соизволенных целые представления. Особенно в борьбе и катэ! Швыряли друг друга от пола, вывертывали руки и ноги, дали в лицо и по спине и стращали ужасные гримасы! Публика возмущалась или приходила в восторг! Всё это было для меня ново, а особенно нов для Колюши! Я до сих пор ещё такого человека не встречал. У него было какое то "обаяние дикости", под которое я сейчас же и подпал! Колюша аплодировал борцам или выражал нам свое недовольство крича: "Вот ведь Пифик слабоумный, перевернись дурак!" или "Ну и идиот, туп, туп неразвит, кривоног, соплив и Богу протави" Все эти выростки были тоже для меня новы. Обычно мы приходили домой к ужину с опозданием и Лёлька с упрёком наблюдалась на Колюшу: "Это наверхое оиеть на "рундике" были?" К ужину приходил и Ватлики и ещё многие друзья, имена которых я забыл. Вспоминать только испанского биолога Дон Рафаэль Лоренцо де Но. Колюша

страшно с ним дружил и поэтому восторгался всем испанским!
 Немцев тогда Колюша погумуто презирал и страшно смеялся над
 всякими немецкими обывателями. Особенно тем, что немцы уезжают
 отдыхать в отпуск. Как Колюша вариантил: "Немецкий обывай
 ехает в отпуск" Обычно немцы вообще у него назывались просто
 туземцами. К ушину было всегда довольно много самодельной
 водки! Конечно Селуковские котлеты ^{селуковски} и ~~и~~ же набитые папиросы.
 Тогда Колюша был ещё совсем молодой и темперамент его был
 просто неописуем. Когда он начинал ходить по комнате и что либо
 рассказывать, то нейривальный человек просто обалдевал. На какую
 тему велись "Беседы" в конце концов дело безразлично. Помню,
 что тогда я просто был в восторге от всего и где то даже старался Колюше
 подражать. Дома от родителей я зато скрывал, что иногда
 хожу на бокс и на борьбу и что по вечерам мы в своём порядочном
 колхозе водки. Конечно Колюша тоже рассказывал о себе
 и тогда у вас получалось впечатление, что перед вами человек
 проживший не одну жизнь а пять! Колюша обычно ходил в год
 и вперёд и рассказывал как он был "потешным", студентом,
 КАЗАКОМ(?), как он был где то ранен, но его верная лошадь от него
 не отходила и в конце концов его спасла! Где то он голодал и
 питался в сарае воробьями, которых они(?) убивали снежками!
 Где то на Украине он убивался от бешаных собак, один раз
 стёрнувшись с дерева досой он попал как раз на тачку, но в то же
 время он был и балетоманом и любителем русских живописи и
 поэзии. Все эти рассказы были грезвышайко красочны и нельзи
 было ими не восторгаться! Было в них что то Тоголевское. Каким то
 амесь Ноздрёва и Хлестакова с примесью Лескова.
 Тогда то и зародилась "ВЕЧЕРА" у Тимофеевых! /Хизму квартиру
 звали Фрау Думке и тогда эти вечера назывались "У Думке в
 субботу".
 Но вот прошло три года и Тимофеевы поехали в отпуск, отдыхать

Совсем как немецкие буржуа. Поехали они на Балтийское море (Остзе) в Аренсхотт. В этот год я женился и мы с женой поехали в тот же Аренсхотт и в тот же пансион где жили Тимофеевы. Это было в 1930-ом году. Коллюша был в полном восторге от своего отпуска и всё время повторял: "Нелюблю я эти отпуска, ибо они кончатся!" Мы как раз приехали, а Тимофеевы через неделю законны были возвращаться в Берлин. Это было мое первое пребывание на Балтийском море. В детстве и юности я провёл три года в Крыму, а потом по долгу бывал в Италии на Средиземном море. После того мне это "Остзе" совсем не понравилось. Вода как-то серая, морем не пахнет, крабов, морских звезд и ежей нет и солнца очень мало. Когда я высказал это Коллюше, то он тут же на меня набросился и закричал: "Ну и пифик же ты слабоумный!" И тут же начал шагать по мокрому песку и доказывать мне, что Крым и Италия это дерьмо и, что ничего нет лучше Балтики! Что в Балтике масса рыбы, что заготавливают на Балтике сильнее и что камушки тут на "Остзе" тоже много красивей чем где либо и, что я вообще дурак! Сперва я обиделся, но потом начал купаться в холодной воде и собирать камушки. В пансионе конечно было много немцев и по вечерам собиралось целое немецкое общество где председателем ^{опять же} был Коллюша! (Тогда, кстати, я впервые услышал имя Адольф Хитлер.) Коллюша на немецком языке восхвалял "Балтику", немецкий отъезд устроивать отпуска - тут же заметил, что очень досадно, что отпуска кончатся - и долго спорил о заказе пива с каким-то пивоваром, хотя сам пиво не пил и не любил. В Берлике мы опять встретились в "субботу у Думке", но скоро Думке кончилась и Тимофеевы переехали в Бух, где был построен огромный институт "Kaiser Wilhelm Institut für Hirnforschung" и где у Тимофеева была своя лаборатория. Тогда назвали субботу и воскресенье в БУХЕ, которые приехали в последствии просто какуюто "историческую форму".

Буховский период можно разделить на две части, первый - короткий в так называемом "Большом доме", а второй в ТОРХАУЗЕ, т.е. в "доме у ворот". Огень большой и комфортабельный институт был построен в огромном парке, который когда то предназначался для кладбища. Но пошла для кладбища не подошла и парк оказался прочо при институте, но сохранилась КАПЕЛА где должен был быть крематорий и сохранился этот ТОРХАУЗ, где должны были продавать цветы. Совсем рядом были постройки для прихизгских больных. "Большой дом" был совсем рядом с этими больницами и Тимофеевых всели туда только временно, пока в институте будет что оскотинко. Тут у Тимофеевых было уже много больше мрца зем на Думковской квартире. Знакомых и друзей стало тоже много больше и всем было приятно в субботу проехать за город. Тут же и началась традиционная беседа за ужином и неизменная игра в торочки после обеда. Не помню всех, кто приужало масса людей и до объекто каждый знакомый Тимофеевых привозил своих собственных друзей. Также, например, приезз Додто Добужинского (сын знаменитого художника) Библиотечаров Андрей и Филку Вольф. Приужал всегда крикий С.И. Мамонтов и его друг А. Ломан. Приужал А. Всеволоженский. А в Бухе уже жил С.Р. Царанкин с семьей. Были еще Ю. Блинов, некий Соловьев, Кудрявцев, Саша Фидлер (брат Э.А. Тимофеевой) и т.д. и т.д. Перечислить всех просто не могла. Да, вот был еще некий Белоцветов, который в эту эпоху написал "БУХИАДУ" описывая о ней огень многих почоленных тосей Буха.

Играли в торочки с азартом! Правда некоторые совсем не играли, например Лелька Фома и В.М. Семенов /ВАРТАНЕЗ. Лучшые играки были Р. Царанкин, сам Колюша и С.И. Мамонтов. Я тоже играл с азартом и когда промахивал, то Колюша громко кричал: "МУСЛОНЬГЕН"! Иногда он любил выкрикивать, что "ТРИ РАЗА ПОЧТИ" это только у Кирайцев считается за одно целое. Кричали вобщем все и орашно суетились расставляя в квадратах напергенных на земле

все эти фигуры: "Бабушка в окошке", "покойник", "забор", "перевоз" и т.д.
Иногда Колтоша играл Босой и в распуценной рубашке и чем то
даже напоминал Толстого. Неподалёку, за решёткой изгороди стояли
"боксовые" из лелебашки и ^{сосредоточенно} наблюдали за нашей варварской
игрой. Это были "туземные Алкоголики" как их называл Колтоша.
В плохую погоду или зимой в городки конечно не играли, а играли в
хлопки. Полулёжа на полу, под лампой старались пократь фишкочку ^{фишкочку} (противника или
ловко метив попасть в деревянный горшочек. И тут Колтоша проявлял страшный
темперамент и с отвисшей нижней губой он походил ~~на~~ медведя гудача
и всё время слышались его возгласы: "мисльтонген" или: "так ему и надо сужу!"
Переезд в "Торхаузе" произошёл как то незаметно. Дом при Торхаузе делился
на два флигеля, а посередине был проезд для автомобилей. В одном флигеле
жила Семья Царанкиных, а в другой половине жили Тимофеевы.
При Торхаузе находилась широкая аллея ведущая в капелле. На
этой Алее тоже играли в городки и стояли эти туземцы. Новая
квартира была ещё более просторна и гораздо уютней. Была отдельная,
большая фойе и отдельный просторный кабинет для Колтоши. В этом
кабинете обычно и собирались гости. Со временем думке Колтоша страшно
переменился. Времена "рундиков" давно ушли в прошлое. Появился новый
сынко Андрей, которого Колтоша неизменно называл: "личность
генерально мало знающая" и проносил он это с какой то присказкой.
Валюшиной невинностью. К Фоме же Колтоша как то начал придирается,
был недоволен Фоминскими школьными успехами и всё больше
больше, шагал по комнате, полужригал: "глуп туп неразвит ^{криваноз} соплив
кравонат и Богу противен!" / Сколько лет и заговоров и пролёв в этом
кабинете и что за люди там только не перебивали! Старые друзья, мало-
нагомые учёные, какие то дамы, певцы, девушки, токоши, ватиньер
немцы, а под конец советские военные.
Колтоша неизменно продолжал ходить из угла в угол и что нибудь
проповедовать. Тогда он впал в геремерной новенизм и геремерной
православие. Он громко провозглашал, что самый порнофильмский

и самый лучший русский музыкант все же лучше Леонардо да Винчи и того "треклятого Гоете!" Горе он всегда проносил ГОЕТЕ и часто продохтал ЭТИЖИ и ПЕТИШЕ УЕБУНГЕН и т.д.

Утверждал он с твердым невероятием. Все эти индусы, католики турки, и долопоклонники и т.п. дрянь в конце концов люди неверующие. Верующим МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО РУССКИЙ и ТОЛЬКО БУДУЩИЙ ПОИСТИК ПРАВОСЛАВНЫМ! Из русских художников он больше всех любил Нестерова и Сурикова. Я предполагал на эту тему с ним не спорить.

Иногда он обрушивался на кого нибудь, котирки рассказывал ^{свое} мнение, что Бог, - т.е. существование Бога вообще не доказано. Помню один раз он так орал доказывал существование Бога, что Лелька прибежала в испуге из кухни, а Колюша доказывал свои доказательства вдруг кинулся на кафельную плитку отбил её и показывал в это время пальцем на эту плитку закричал, что если Бога не ^{то} и эта плитка не могла бы тут стоять! Как это не странно, но этот бойль был странно зам то убедителен! Я его до сих пор забыть не могу!

Еще и не могу забыть его спор о переселении в какую нибудь страну." Кто хотел переехать в Америку и сделаться Американцем. Колюша возмущался и начал объяснять, что путешествовать приятно, но стать там нибудь очень неприятно. Выразился он это так: Поехать в ПАПУАСИЮ очень интересно и не плохо, но БЫТЬ ПАПУАСОМ ОТВРАТИТЕЛЬНО! Когда кто нибудь заикался о красоте РИМА, ПАРИЖА, ВЕНЕЦИИ или ФЛОРЕНЦИИ, то Колюша возмущался и утверждал что самый красивый город в МИРЕ это МАССАЛЬСК. Никто в Массальске не давал и обалко все замолкам. На Италию он всегда обрушивался, называл итальянцев МАКАРОННИКАМ и громко утверждал, что Рафаэль это просто рисовальщик религиозных ваксов!

Забавно было, что Колюша всегда АБСОЛЮТНО и ИСКРЕННО ЗАБЫЛ все и сказанное! Он любил Италию и итальянцев, но стоило ему познакомиться поближе с одним итальянцем как он начал находить в нём недостатки, а впервые показав в Рим он рассказывал:

МНЕ (который долго жил в Риме), что Рим очень красивый город.

Ругая всё "НЕМЦЕСКОЕ" он собрал массу немецких друзей и всегда был готов защищать всё немецкое. Он совершенно и окончательно забыл как в свое время он возмущался отпусками и умерь только и мегтал об отпуске. И мы поехали опять вместе на Остзе, на Балтику, но на этот раз в Померанию в деревню "РОВЕ". В "РОВЕ" мы сняли огромный, крестьянский дом с соломенной крышей. В одной половине дома поселились Тимофеевы, а в друго я с женой и с маленьким сыном. Деревушка была действительно исключительно живописная, на берегу реки "Лупо" где можно было удить угрей и не подалёку от великолепных дюн ^{и моря}. Колюша вёдал радио. Загаревший до зёрноты, в трусиках спалкой в руке и с детективным романом под мышкой он каждый день отправлялся лезать толтым в дюны. Софр оваривать его было не принято. Икнда Колюша приготавливал для всех суп. На это он тратил почти что час кидая в огромную кастрюлю бобы, фасоль, морковь, кусочки мяса, томаты и много ещё. Кастрюле завёртывалась в большое одеяло и ставилась в угол до 7^ч в. вечера. Велером сам Колюша развёртывал одеяло и разливал суп - абсолютно молча, а потом все с глубоким вздохом говорили: "ГЕНЕДАЛЬНО!"

Спину Колюша всегда называл "СПИНОЗА", а протухку "ШПАЦЕРОМ". Икнда я с Колюшей и Андреем ходили гулять "УЗНИТЬ ШПАЦЕР" как виротался Колюша. В один такой "шпацер" мы наткнулись на берегу моря на труп дельфина и я выразил желание получить дельфиний зерен. У нас был с собой хороший нож и Колюша присев на корточки объявил: "НУ ВСПОМНИМ АНАТОМИТО" и действительно очень ловко отделил от туловища голову дельфина. Мы с женой потом долго вываривали эту голову и в конце концов и получили чудесный дельфиний зерен. Хозяева нашего дома в "РОВЕ" жили в том же доме но на самом зердаке. Хозяин ^{ФРОБЕЛ} был довольно туповатый тотеман, который отездил все порты мира, но не умел едять ни

велосипеде и не умеи плавать. Колюша позешуто питал к нему страшное уважение и с радшо мени ругал, когда я перепрыгнул через повешаные сети, хотя я и не задел. Тут Колюша впал в какуюто "Толстовщину" разводи целую теорию о работающем человеке (этот Батман Фробел давал нам за деньги дом и ничего не делал), о правильности этого в природе, обрабатывать землю, работать на парашоте и т.д. и т.д. В "РОВЕ" мы вернулись в этот же дом, к Фробелю и в первый год войны. Фробель тогда захлебывался немецкими успехами в Польше, уверил, что немцам будет принадлежать скоро весь мир и, что Генеральней немецкого человека на свете нет. Я с насмешливым смотром на Колюшу, который очень додро всё это вделушывал. Однажды Фробел поехал через озеро в ближайший торедок. Там он напилас и возвращаясь на лодке через то же озеро он опракинулся. Озеро, правда, было очень мелкое. Пьяный Фробель простоял удержась за лодку всю ночь, а обдутро его кто то спас. Он вернулся матерый и зати домом, а я с злорадством спросил Колюшу: "Ну как поживает это забродетельный работник? Колюша просто сказал: ну и хорошо что он был ТАК пьян, а то бы простудился!"

Больше мы уже в "РОВЕ" не едем. В ТОРХАУЗЕ попрежнему встречались старые друзья, но появились и новые. Колюша совсем перестал приуриать немцев и всё немецкое и даже больше не говорил "немецкое". Часто в колюшениом кабинете сидели немцы в офицерских формах, но видно было, что это не настоящие военные. Иногда колюша обращался ко мне, в коридоре и говорил: "Видишь этот Пифик в форме, ведь совсем идиот, а знаешь, это один из крупнейших математиков в мире!!!" Или Колюша вригалас так: "Ну и морда, в груди не обосреешь, а ведь совершенно Генеральный Физик!". Действительно эти немцы в формах были черезвычайно добродушны. Попрежнему Лелька утраивала ушки. Ушки утраивалас из кукурүзкой муки (полент) предназнаоленной для кормления лабораторных крыс и мышей. Водка продолжала фабриковатас из инарүзского спирта.

Как то раз Колтоса одевши, что все мы состарились и стали гнусными, и в этом была какая то пегальная правда. Война бросила свото текь на Буховцев. Взгляди и мнения нагали бы разлукными и всё искто потускнело. Но были и вспышки благо. Икогда приезжали новые люди! Петуц из Парижа или какой нибудь дама, приятельница знаемого. Колтоша отивляла и нагала ходиць по комнате и рассказываць о Стенке Разине, от которого он якобы происходит, о ворах, о вертепе Ломази и т.д. Тогда обьяко Лёлька, Селунов, Андрей и я уходили в комнату к Лёльки и пили там чай, а Андрей ибери обращался к маме: "Ну, ПАПА нагел опять когото шармировать"!

Один раз я поехал с Фомой в город что бы вместе с ним покупать ему хороших перогинных коза. Ночи мы полужили какой хител, а потом пили чай в каком то коффе. И вдруг мне Фома рассказал что он хочет убить Хитлера и что он состоит в заговоре с друзьями и что он УВЕРЕН что это ему удастся! Говорил он бодро и весело. Говорил, что это он никогда ^{это} не сказал отцу, с которым он вообще не может разговариваць, ибо отец его только ругает! Потом Фома долго говорил о России, где, по его мнению, были самые быстрые поезда, самые хорошие дороги, самые большие Тигры и Орлы и самый лучший народ в мире. Я был тронут, что Фома был так искрен со мной, но мне стало одновременно пегально и очень страшно. Я поубеждал как Фома впитал в себя всё то, что Колтоша ему рассказывал о России и как подетски он всё это воспринял и как опасно то, что он задумал. Я должен был заць слово никому кизро сь этом не рассказываць. Через несколько недель после этой беседы Фома был арестован. В последствие он погиб в одном из лагерей смерти.

Арест Фомы конечно очень сильно подействовал на семью Тимофеевых. Колыша как то ЗАМОЛК, а Лёлька долгое время мужественно делала всё возможное что бы Фоме помочь. Конечно без всякого результата. Она судя по всевозможным методам старалась передать пакеты с продуктами, добивалась свиданий с Фомой, что было конечно в те дни немислемо.

Война принимала совсем иные формы, люди всё больше и больше расходились в своих мнениях. Колыша совершенно перестал что либо утверждать или провозглашать и под конец забвения даже пропозировать православие. Мы кагачи много жили воспоминаниями. Колыша вспоминал как он с Лёлькой ездил в Америку, как он ел икру в Лондоне. А я вспоминал как в 1934 году Колыша первый приехал к нам в Лухтерфельде, когда умер мой отец. Мой отец в своей "последней воле" написал, что он хочет, что бы его тело было отдано в университет! Мой мама пришла в ужас и я не знал, что делать. Колыша через ^{братство} негине и тактично уговорил меня, что папу надо хоронить по христиански, т.е. по православному и что его "последняя воля" является к последним убеждениям перед наукой, но что теперь необходимо думать об обратных, т.е. о маме.

Всё это мы часто вспоминали и тихо об этом беседовали ночью у Колыши в кабинете. Нашу квартиру разбомбили и я несколько дней жил у Тимофеевых. Колыша любил спать в напеленной комнате, ~~а я наоборот~~ покрывался простыней. Я наоборот любил холод, открытое окно и тёплое одеяло. Вот так мы лежали в напеленной комнате и беседовали о будущем.

"Н'да", говорил тихонько Колыша, "много мы делали и говорили глупостей, но всё же много было и хороших вещей, да пожалуй и дней."

Олег Фингер ГАРШ
март 1984г.